

Б.Н. Бессонов

Джордж Гордон Байрон: «Мне не по пути с тиранами...»

Д.Г. Байрон (1788–1824) — великий английский поэт, представитель романтизма в поэтическом искусстве. Байрон призывает народы восстать против тиранов, которые угнетают, подавляют их, ввергают их в бессмысленные войны, заставляют их «кровь пролить свою, дать жирный тук полям и воронью». Статья посвящена становлению мировоззрения английского поэта.

Ключевые слова: революционный романтизм; призыв к свободе; освободительная борьба Греции; Великая французская революция.

Романтизм в культуре обычно связывают с Великой французской революцией. Выделяют два крыла романтизма. Приверженцы первого, разочаровавшись в революции, уходили в мир мистики, личных переживаний. Вторые, напротив, призывали продолжать дело Французской революции, бороться против феодальной реакции, за идеалы свободы, равенства и братства.

Джордж Гордон Байрон, естественно, принадлежал к революционному романтизму.

По своему рождению Байрон принадлежал к древней аристократии Великобритании. Однако высокое происхождение отнюдь не возбуждает в нем чувство надменной гордости. Напротив, жизнь среди титулованных особ тяготит его с ранних лет.

В 1805 году Д.Г. Байрон поступает в Кембриджский университет. Изучает историю многих стран мира, от древности до современности, как он сам писал, «от Геродота до Гиббона». Читает французских просветителей: Вольтера, Руссо, Монтескье. Обращается к классической английской поэзии; ему нравятся Р. Бёрнс и А. Поуп. Среди романистов он выделяет В. Скотта. Выступает против поэтов «Озерной школы»: Вордсворта, Колдриджа Саути, которые после Французской революции отказались от борьбы за идеалы свободы. (С этими поэтами Байрон будет полемизировать всю жизнь, опровергая их всем своим творчеством.)

Он рано начал писать стихи. В 1807 году Байрон издал свой первый поэтический сборник «Часы досуга», который был встречен критикой в штыки. На критику он ответил острой сатирой «Английские барды и шотландские критики», успех которой был громаден.

В 1809 году Байрон уехал за границу. Путешествие продолжалось два года. Он посетил Португалию, Испанию, Албанию, Грецию, о. Мальту. Он увидел страдающую под ярмом Османской империи Грецию, Испанию, ведущую партизанскую войну против Наполеоновской армии, свободолюбивую Албанию.

Байрон пишет прекрасные лирические стихи, воспевает яркую природу южных стран, красоту южных женщин. В стихотворении «Девушка из Кадикса» поэт описал юную испанку, ее красоту, нежность, страсть, гордость и мужество:

Ей сердце гордое дано:
Купить нельзя его за злато,
Но неподкупное — оно
Полюбит надолго и свято.
Ей чужд насмешливый отказ;
Ее мечты, ее желанья —
Всю страсть, всю преданность на вас
Излить в годину испытанья.
Когда в Испании война,
Испанка трепета не знает,
А друг ее убит — она
Врагам за смерть копьем отмщает.
Когда же вечером порхнет
Она в прыжок веселый танца,
Или с гитарой запоет
Про битву мавра и испанца,
Иль четки нежною рукой
Начнет считать с огнем во взорах,
Иль у вечерни голос свой
Сольет с подругами на хорах —
Во всяком сердце задрожит,
Кто на красавицу ни взглянет,
И всех она обворожит
И сердце взорами приманит...

Перевод Л. Мея [1: т. 2, с. 45]

Байрон пишет и стихи, обличающие врагов свободы, призывающие народ восстать, сбросить гнет тиранов. Среди них выделяются «Песня греческих повстанцев», «Прощанье с Мальтой», «Проклятие Минервы» и другие. Особенно — «Песня греческих повстанцев»:

О Греция, восстань!
Сиянье древней славы
Борцов зовет на брань,
На подвиг величавый.

К оружию! К победам!
Героям страх неведом.

Пер. С. Мея [1: т. 2, с. 50]

Во время путешествия Байрон написал две первые песни поэмы «Паломничество Чайльд-Гарольда». Он беспощадно осудил феодально-монархическую Европу, Англию, испорченную ржавчиной чистогана, наполеоновскую Францию, ведущую кровавые, захватнические войны. Выразил свое горячее сочувствие испанскому народу, борющемуся за свою свободу, скорбит об униженной современной ему Греции.

Байрон призывает народы восстать против тиранов, которые угнетают, подавляют их, ввергают их в свои бессмысленные войны, заставляют их «кровь пролить свою, дать жирный тук полям и воронью».

И здесь им тлеть, глупцам, прельщенным славой
И славы удостоенным в гробах.
О, бред! Орудья алчности кровавой —
Их тысячи тиран бросает в прах.
Свой воздвигая трон на черепах, —
Спроси зачем — во имя сновиденья!
Он царствует, пока внушает страх,
Но станет сам добычей смрадной тлени,
И тесный гроб ему заменит все владенья.

«Паломничество Чайльд-Гарольда»

[1: т. 2, с. 152–153]

Вспоминая родину, поэт вместе со своим героем Чайльд-Гарольдом отвергает и осуждает фальшь светской жизни:

Так что ж, иль в омут чувственных утех,
К пирам вернуться, к светским карнавалам,
Где царствует притворный, лживый смех,
Где всюду фальшь — равно в большом и малом,
Где чувство, мысль глушат весельем шалым, —
Играть себе навязанную роль,
Чтоб дух усталый стал вдвойне усталым,
С презреньем деланным в улыбке прятать боль.

«Паломничество Чайльд-Гарольда»

[1: т. 2, с. 197–198]

Конечно, в «Паломничестве Чайльд-Гарольда» отражаются и некоторые особенности характера, и судьба самого Байрона; поэт признавал это, однако говорил: «Я ни за что на свете не хотел бы быть таким же субъектом, каким я сделал своего героя».

И действительно, если Чайльд-Гарольд устал от жизни, разочарован, то Байрон, несмотря на приступы меланхолии и пессимизма или, возможно, вопреки им, жил деятельной активной жизнью.

Поэт включается в общественную жизнь, в политическую борьбу в Англии. Он решительно восстал против жестокой расправы британского правительства с луддитами. «Я считаю... что можно приветствовать благодетельный для человечества прогресс промышленности, но нельзя допустить чтобы человечество приносилось в жертву усовершенствованию машин. Обеспечить существование трудящихся бедняков — более важная для общества задача, чем обогащение нескольких монополистов, которые с помощью усовершенствованных орудий отнимают хлеб у рабочего и делают невыгодным его наём.

Я возражаю против билля (закона, подготовленного правительством, по которому разрешение машин казалось смертью) из-за его явной несправедливости и совершенной бесполезности. Я видел, как живут эти несчастные и какой это позор для цивилизованной страны...» [2: с. 135]. Рабочие не ломали своих станков до тех пор, подчеркивает Байрон, «пока они еще не сделались для них прямым препятствием в их усилиях добыть себе кусок хлеба. Вы называете этих людей чернью, преступной, опасной и невежественной, и считаете, что единственный способ смирить это многоголовое чудовище — это отрубить ему несколько лишних голов. А понимаем ли мы, чем мы обязаны черни? Ведь это чернь обрабатывает ваши поля и прислуживает в ваших домах, ведь это из черни набирается ваш флот и вербуются ваша армия... Вы можете называть этих людей чернью, но не забывайте, что чернь очень часто выражает чувства всего народа» (из речи, произнесенной в палате лордов 27 февраля 1812 года во время обсуждения билля против разрушения станков [2: с. 127, 128]).

Позднее Байрон написал «Песню для луддитов», в которой отражена их готовность к борьбе за свои права и человеческое достоинство; лозунг луддитов: «...или сгинем в бою иль к вольному все перейдем мы житью».

Поэт выступил также в защиту ирландского народа. Положение ирландского католического населения он иллюстрирует притчей — «историей о барбаншике, которому было приказано по долгу службы высечь одного своего приятеля. «...Его просили пороть повыше — и он порол, его просили пороть ниже — и он порол; ему было сказано пороть посередине — и он порол; но порол ли он выше, ниже или посередине — его приятель продолжал кричать и жаловаться с самым наглым упорством...» [там же].

Совершенно также и вы, обращается Байрон к парламентариям Англии, вы пороли католиков и высоко, и низко, и здесь, и там, и, увы, они никогда не оставались этим довольны. Правда, время, опыт и усталость, сопровождающая даже варварские поступки, научили вас пороть их немножко осторожнее. Но вы все-таки продолжаете бичевать их и будете поступать так до тех пор, пока возможно. Плеть не будет вырвана из ваших рук и не обратится против вас самих и вашего потомства (там же).

В «Ирландской аватаре», написанной уже в изгнании в 1821 году, Байрон вновь поднимает свой голос в защиту Ирландии, клеймит ее продавшихся английскому правящему классу политических деятелей.

О Ирландия!...
 Я свой голос за Вольность твою поднимал,
 Мои руки готовы к суровой борьбе...
 ...Пала ты...
 Я завидовал, Эрин, твоим храбрецам,
 Хоть в цепях был их остров и гений гоним;
 Я завидовал жарким ирландским сердцам,
 А теперь я завидую мертвым твоим!
 Я тебя презираю, ирландская чернь!
 Трепеща, пресмыкалась ты, множа грехи!..
«Ирландская аватара», 1821 г. /
 пер. В. Луговского [1: т. 3, с. 238]

В период с 1813 по 1816 год Байрон одну за другой издает романтические поэмы: «Гяур», «Абидосская невеста», «Корсар», «Лара», «Осада Коринфа», «Паризина». Их общий смысл — яростный бунт благородных людей против деспотизма, в защиту свободы, в защиту слабых. Даже если им угрожает смерть, они будут бороться лицом к лицу, смело, честно; им чужды ложь, коварство, трусость, предательство.

Наряду с романтическими поэмами Байрон пишет удивительно нежные лирические стихи, в которых раскрывает благородство, красоту и чистоту любви; душевные переживания, смену настроений страдающего человека. Особенно возвышенно чудесна лирика «Еврейских мелодий».

Как выразительно, как сильно описывает поэт красоту, чистоту, достоинство и благородство женщины в стихотворении «Она идет во всей красе», посвященном своей кузине леди Вильмонт:

Она идет во всей красе —
 Светла как ночь ее страны.
 Вся глубь небес и звезды все
 В ее очах заключены,
 Как солнце в утренней росе,
 Но только мраком смягчены...
 Все в ней о мире говорит.
 Она в душе хранит покой,
 И если счастье подарит,
 То самой щедрою рукой!

Пер. С. Маршака [1: т. 2, с. 72, 73]

А в стихотворении «Душа моя мрачна» с такой же силой и выразительностью описывает Байрон душевные муки, сомнения, тоску и надежду.

Душа моя мрачна! Скорей, певец, скорей!
 Вот арфа золотая:
 Пускай персты твои, промчавшись по ней,
 Пробудят в струнах звуки рая...

Пер. М. Лермонтова

И снова о красоте женщины, исцеляющей страдающие души:

Ты плачешь — светятся слезой
Ресницы синих глаз.
Фиалка, полная росой,
Роняет свой алмаз.
Ты улыбнулась — пред тобой
Сапфира блеск погас:
Его затмил огонь живой,
Сиянье синих глаз.
Вечерних облаков кайма
Хранит свой нежный цвет,
Когда весь мир объяла тьма
И солнца в небе нет.
Так в глубину душевных туч
Твой проникает взгляд:
Пускай погас последний луч —
В душе горит закат.

«Еврейские мелодии» — «Ты плачешь» /
пер. С. Маршака [1: т. 2 с. 74].

В то же время в «Еврейских мелодиях» звучит грозное предостережение деспотам: им не уйти от возмездия, они погибнут, как это показано в стихах о пире Валтасара. Наряду с этим Байрон воспеваает героев, отдавших жизнь за свободу.

Ты кончил жизни путь, герой!
Теперь твоя начнется слава,
И в песнях родины святой
Жить будет образ величавый,
Жить будет мужество твое,
Освободившее ее...

«Еврейские мелодии» — «Ты кончил жизни путь...» /
пер. А. Плещеева [1: т. 2, с. 75].

В этих стихах и мужество, и скорбь, и боль, и любовь, и нежная печаль, и, конечно, надежда, вера, что свобода придет...

Байрон во всех своих произведениях — тираноборец. В «Оде с французского» он снова ниспровергает всех тиранов, в том числе и Наполеона, когда-то казавшегося ему сокрушителем феодальных тронов.

...Под Ватерлоо Наполеон
Пал — но не вами сломлен он!
Когда, солдат и гражданин,
Внимал он голосу дружин
И смерть сама щадила нас —
То был великой славы час!
Кто из тиранов этих мог
Поработить наш вольный стан,

Пока французов не завлек
В силки свой собственный тиран,
Пока, тщеславием томим,
Герой не стал царем простым?
Тогда он пал — так все падут,
Кто сети для людей плетут!

Пер. В. Луговского [1: т. 2, с. 80, 81].

В январе 1815 года Байрон женился на Аннабелле Мильбенк. Брак оказался несчастливым, через год он распался.

Поддержкой и опорой в это тяжелое для него время была сводная сестра Августа Ли, урожденная Байрон.

Когда готов был изнемочь
Я в битве долгой и упорной,
И, клевете внимая черной,
Все от меня бежали прочь;
Когда в измученную грудь
Вонзались ненависти стрелы,
Лишь ты во тьме звездой блестела
И мне указывала путь.

«Стансы к Августе» /

пер. А. Плещеева [1: т. 2, с. 88, 89]

Когда время мое миновало
И звезда закатилась моя,
Недочетов лишь ты не искала
И ошибкам моим не судья.
Не пугают тебя передраги,
И любовью, которой черты
Столько раз доверял я бумаге,
Остаешься мне в жизни лишь ты.
Оттого-то, когда мне в дорогу
Шлет природа улыбку свою,
Я в привет не чую подлога
И в улыбке тебя узнаю.

«Стансы к Августе» /

пер. Б. Пастернака [1: т. 2, с. 101]

«Стансы к Августе» были последними стихотворениями Байрона, написанными на родине. В апреле 1816 года Байрон вынужден был покинуть Англию. Он поселяется в Швейцарии, на берегу Женевского озера. Здесь поэт встретился с другим поэтом, также, в сущности, изгнанником, с Перси Биши Шелли. Начинается их тесная дружба, оборвавшаяся лишь с трагической смертью Шелли.

Однако первое время настроение Байрона в изгнании, разумеется, тяжелое, мрачное. Мысли горькие: разрыв с семьей, тоска по родине. Он пишет в этом году две поэмы «Сон» и «Тьма», в которых отражены его трагические

переживания. Поэму «Сон» он посвятил Мери Чаворт, которую встретил в 1803 году пятнадцатилетним юношей и которая пробудила в нем большое чувство любви.

Воспоминания о встрече с Мери навеяли Байрону прекрасные образы юности, чистой юношеской любви, вызвали у него грустные размышления о жизни и сне, о грёзах прошлых и настоящих. Стихотворение «Тьма», пожалуй, самое трагическое; оно пронизано предчувствием космической катастрофы. Два последних человека, встретившись и взглянув друг на друга, умирают от ужаса. В этом стихотворении Байрон также видит сон, но... «не всё в нём было сном»:

Погасло солнце светлое, и звёзды
 Скитались без цели, без лучей
 В пространстве вечном; льдистая земля
 Носилась слепо в воздухе безлунном.
 .....
 И мир был пуст;
 Тот многолюдный мир, могучий мир
 Был мертвой массой, без травы, деревьев,
 Без жизни, времени, людей, движенья...
 То хаос смерти был. Озера, реки
 И море — все затихло! Ничего
 Не шевелилось в бездне молчаливой...
 Моря давно не видели приливов...
 Погибла их владычица — луна;
 Завыли ветры в воздухе немом...
 Исчезли тучи... Тьме не нужно было
 Их помощи... она была повсюду...

Пер. И. Тургенева [1: т. 2, с. 95, 96, 97]

Конечно, Байрон страдает, он изгнанник. И все же он не сдается: «...хотя душа моя и отдана на муки, она не будет их рабой». Он создает свой образ Прометея, титана, вступившего в противоборство с Зевсом и давшего людям огонь и свет — свет разума и познания.

1

Титан! На наш земной удел,
 На нашу скорбную юдоль,
 На человеческую боль
 Ты без презрения глядел;
 Но что в награду получил?
 Страданье, напряженье сил
 Да коршуна, что без конца
 Терзает печень гордеца,
 Скалу, цепей печальный звук,
 Удушливое бремя мук
 Да стон, что в сердце погребён,
 Тобой подавленный, затих,

Чтобы о горестях твоих
 Богам не смог поведать он.

2

Титан! Ты знал, что значит бой
 Отваги с мукой... ты силён,
 Ты пытками не утращён,
 Но скован яростной судьбой...

.....

3

Ты добр — в том твой небесный грех
 Иль преступленье: Ты хотел
 Несчастьям положить предел,
 Чтоб разум осчастливил всех!
 Разрушил Рок твои мечты,
 Но в том, что не смирился ты, —
 Пример для всех людских сердец;
 В том, чем была твоя свобода,
 Сокрыт величья образец
 Для человеческого рода!

Пер. В. Луговского [1: т. 2, с. 98, 99]

В Швейцарии Байрон пишет также поэму «Шильонский узник». В ней он воспекает «мученика свободы» Франсуа Бонивара, борца за независимость Швейцарии.

Удивительна способность Байрона сказать в своих стихах о самых жгучих вопросах жизни, об острых политических проблемах непринужденно, свободно, с тонкой насмешкой, с изящной иронией. Именно так поэт говорит в шуточной поэме «Беппо» о своей глубокой, искренней, страдающей любви к родине — Англии.

XLVII

Хоть Англию клянет душа поэта,
 Ее люблю, — так молвил я в Кале, —
 Люблю болтать с друзьями до рассвета,
 Люблю в журналах мир и на земле,
 Правительство люблю я (но не это),
 Люблю закон (но пусть лежит в столе),
 Люблю парламент и люблю я пренья,
 Но не люблю я преть до одуренья.

XLVIII

Люблю я уголь, но недорогой,
 Люблю налоги, только небольшие,
 Люблю бифштекс, и все равно какой,
 За кружкой пива я в своей стихии.
 Люблю (не в дождь) гулять часок-другой, —

У нас в году два месяца сухие.
Клянусь регенту, церкви, королю,
Что даже их, как всё и вся, люблю.

XLIX

Налог на нищих, долг национальный,
Свой долг, реформу, оскудевший флот,
Банкротов списки, вот и свист журнальный
И без свободы множество свобод,
Холодных женщин, климат наш печальный
Готов простить, готов забыть их гнёт
И нашу славу чтить — одно лишь горе:
От всех побед не выиграли б тори!

Пер. В. Левика [1: т. 3, с. 198]

Байрон любил родину, и был беспощаден к людям, ее «олицетворяющим», — к королю, министрам, представителям родовой знати:

...Во всех веках,
С тех пор, как смертными монархи правят,
В кровавых списках грязи и греха,
Что всю породу цезарей бесславят,
Другое мне правление назови,
Столь глубоко погрязшее в крови!

«Видение Суда» /

пер. Т. Гнедича [1: т. 3, с. 254]

Байрон никогда не поступался своими политическими убеждениями. Когда его издатель попросил поэта изъять несколько строф поэмы «Паломничество Чайльд-Гарольда», имевших острый политический акцент, Байрон твердо отказал: «Боюсь, что по части политики и философии я ничего не могу изменить; но могу сослаться на высокие авторитеты, ибо даже «Энеида» была поэмой политической, написанной с политической целью; а что касается иных злополучных мнений по вопросам более важным, то я в них слишком искренен, чтобы отречься. Об испанских делах я говорю как очевидец и каждый день убеждаюсь, что составил себе на месте верное суждение... Как видите, я не могу изменить своих мнений, но если бы вы пожелали изменений в строении стиха, я готов сколько угодно нанизать рифм и сочинить строф...» [2: с. 37].

В 1817 году Байрон завершает работу над своей поэмой «Манфред». Это, по сути, глубоко философская поэма. Манфред ищет ответ на вопрос: в чем смысл бытия?

.....
Скорбь — знание, и тот, кто им богаче,
Тот должен был в страданиях постигнуть,
Что древо знания — не древо жизни.
Науки, философию, все тайны
Чудесного и всю земную мудрость —

Я всё познал, и всё постиг мой разум, —
 Что пользы в том? — Могущество и страсти,
 Добро и зло — всё, что волнует мир, —
 Всё для меня навеки стало чуждым
 В тот адский миг. Мне даже страх неведом,
 И осуждён до гроба я не знать
 Ни трепета надежд или желаний,
 Ни радости, ни счастья, ни любви...

Пер. И. Бунина [1: т. 4, с. 6]

Он призывает духов и требует, чтобы они освободили его от разрывающих его душу сомнений. Но духи, стараясь подчинить его себе, только усиливают его муки, его неверие в жизнь.

И все же Манфред не сдаётся. Духу, владыке тьмы, он гордо говорит:

Что сделал я, то сделал; ты не можешь
 Усилить мук, в моей груди сокрытых:
 Бессмертный дух сам суд себе творит
 За добрые и злые помышленья.
 Меня не искушал ты и не мог
 Ни искушать, ни обольщать, — я жертвой
 Твоей доныне не был — и не буду...

Пер. И. Бунина [1: т. 4, с. 50, 51]

Конечно, бунт Манфреда — бунт одиночки; «лев одинок — я тоже». Манфред бунтует, но какова цель бунта? Забвение, душевный покой. Возможно, этот «ответ» соответствовал настроению Байрона в тот или иной момент его жизни. Однако духу всей его жизни соответствовал другой ответ: человек может противостоять судьбе. Тирания не неизбежна. Человек может быть свободным, но он должен бороться за свою свободу.

В Швейцарии Байрон продолжает работать и над «Паломничеством Чайльд-Гарольда»: «Ношу с собой героя своего». Байрон воспел здесь также Руссо и Вольтера, двух титанов, чей отважившийся гений подвиг народы на «штурм небес», на свержение феодальной монархии.

Особое внимание, любовь поэта — к Италии. Италии посвящена и четвертая песня «Паломничества...». Байрон восхищается талантом, «живой мыслью» итальянского народа, чувством прекрасного, и поныне не погаснувших в нем, — «несмотря на пагубные последствия государственных переворотов, опустошительных битв и векового отчаяния, — «жаждой бессмертия — бессмертия независимости».

Зачем печать высокой красоты,
 Италия! твоим проклятьем стала?
 Когда б была не столь прекрасна ты, —
 От хищных орд ты меньше бы страдала...
 Ты молча терпишь гнет чужих держав!..
 Тебе ль не знать могущества кинжала!

Восстань, восстань — и, кровопийц прогнав,
Яви нам гордый свой, вольнолюбивый нрав!

[1: т. 2, с. 248, 249]

Байрон не только своим поэтическим талантом, не только словом, но и делом поддерживал борцов за свободу Италии. Он помогал карбонариям, ставившим своей целью освобождение Италии от австрийского владычества, ее национальное объединение. В январе 1821 года он писал в своем дневнике: «Они (карбонарии. — *Б.Б.*) хотят поднять здесь восстание и почтить меня приглашением участвовать. Что же, я не отступлю, хотя не вижу в них достаточно силы и решимости, чтобы добиться больших результатов. Но, вперед! — пора действовать настала, и что значит твоя особа, если можно передать в грядущее хоть одну живую искру того нетленного, что достойно сохраниться от прошлого? Дело не в одном человеке и не в миллионе людей, а в духе свободы, который надо распространять. Волны, атакующие берег, разбиваются одна за другой, но океан все же побеждает» [2: с. 201].

В 1821 году Байрон написал историческую трагедию «Мариино Фальери». В центре трагедии заговор республиканцев Рима против власти олигархов — аристократического Совета десяти. Заговорщики терпят поражение. Один из их руководителей Израэль Белуччо, несмотря на поражение, на грозящую гибель, говорит своим соратникам:

В смерти за идею нет гибели!
Пусть плаха выпьет кровь,
Пусть головы на солнце сохнут, руки
Повиснут пусть на башнях и вратах —
Дух будет реять здесь! Минуют годы,
Других постигнет тот же черный рок,
Но будет мысль расти неудержимо,
Глубокая, и, сокрушив иные,
Мир приведет к свободе, наконец!

Пер. Г. Шенгели [1: т. 4, с. 108]

В период с 1821 по 1823 год Байрон, помимо «Марино Фальери», написал такие драмы, как «Сарданапал», «Двое Фоскари», «Каин», «Небо и земля», «Вернер», начал, но не успел завершить, драму «Преображенный урод». Среди этих драм особое место занимает «Каин». Байрон переосмысливает библейскую легенду. Каин в его трактовке — бунтарь против тирании бога. Он умён, он хочет знать законы мироздания. Каин не верит, что зло — неотъемлемая часть жизни:

Я этому не верю, нет! Я жажду
Душой добра!

Он отвергает постулат, что его родители — Адам и Ева, — вкусив от плода Познания, свершили зло. Он утверждает: жизнь и знание — это благо; они не могут быть злом. Каин протестует против жестокой власти Бога. Если

Бог всеблаг, то почему существует зло?.. Его возмущает лицемерие и покорность Авеля. В состоянии душевного раздражения и гнева он убивает Авеля...

Но примечательно, Ада — сестра и друг Каина, в сущности, выше, возвышеннее его. Она отвергает эгоистическое счастье:

Одна я не хочу.
И не могу быть счастлива; но с теми,
Что близки мне, я думаю, могла бы!

Пер. И. Бунина [1: т. 4, с. 352]

Вершина творчества Байрона, шедевр мировой поэзии — поэма «Дон Жуан». Работу над «Дон Жуаном» поэт начал в 1819 году. В поэме снова есть разочарование, усталость, но как прекрасно, как поэтично о них сказано:

О, больше никогда на сердце это
Не упадет живительной росой
Заветный луч магического света,
Рождаемый восторгом и красотой!
Подобно улью пчел, душа поэта
Богата медом — творческой весной;
Но это всё — пока мы сами в силах
Удваивать красу предметов милых!
О, никогда не испытаю я,
Как это сердце ширится и тает,
Вмещающая всё богатство бытия,
И гневом и восторгом замирает.
Прошла навек восторженность моя,
Бесчувственность меня обурекает,
И вместо сердца слышу всё ясней
Рассудка мерный пульс в груди моей...

Пер. Т. Гнедича [1: т. 1, с. 109, 110].

В «Дон Жуане» Байрон снова и снова возвращается к осмыслению бытия, жизни и смерти.

«Быть или не быть?» Но я хотел бы знать —
В чем бытия неясное значенье?
Мы видим очень многие явления,
Но как себя всевидящим считать,
Когда не видишь мудрого решенья.
И жизнь и смерть в пределах бытия
Сплетенными всегда встречаю я.

.....
Когда бы мироздания пучина
Открыла нам великие законы,
Путь к истине нашли бы мы единый,
Отвергнув метафизики препоны.
Друг друга поедают все доктрины,

Как сыновей Сатурн во время оно...
Философы нас учат, как ни странно,
Свидетельству простого ощущения
Не доверять: хотя чего верней
Порука плоти собственной моей!

[1: т. 1, с. 364, 479]

Его угнетает, вызывает скорбь то, что повсюду в Европе «цепи», что вся Европа «в кровавой вакханалии», «везде рабы и троны, смрад и тьма»...

Байрон еще и еще приветствует Французскую революцию, славит ее героев. Барнав, Бриссо, Дантон и Кондорсэ, Марат и Петийон и Лафайет — «вот Франция во всей красе»... Подобно героям Франции, поэт боролся и будет бороться — словами и делами — с врагами мысли и свободы: «Мне не по пути с тиранами».

Вражды святое пламя
Поддерживать я клялся и блюсти.
Кто победит, мы плохо знаем с вами,
Но весь остаток дней моих и сил
Я битве с деспотизмом посвятил.

[1: т. 1, с. 366]

В декабре 1823 года Байрон приезжает в Грецию бороться за свободу страны. 22 января 1824 года он пишет стихотворение «В день, когда мне исполнилось тридцать шесть лет», поистине пророческое стихотворение.

Восстань! (Не Греция восстань —
Уже восстал сей древний край!)
Восстань мой дух!
И снова дань
Борьбе отдай!
О мужество! Тенета рви,
Топчи лукавые мечты,
Не слушай голосов любви
И красоты.
Нет утешения, так что ж
Грустить о юности своей?
Погибни! Ты конец найдешь
Среди мечей.

Пер. И. Ивановского [1: т. 2, с. 119, 120]

В этой связи поэт остро критикует епископа Д. Беркли за его философский солипсизм.

Весьма удобно мир предполагать
Всемирным поражением солипсизма;
Подобная система — благодать
Для произвола и для эгоизма...
Но искони мешает мне мечтать.

Сомненье — преломляющая призма
Великих истин; портит мне оно
Духовности небесное вино...

[1: т. 1, с. 405]

Тяжелая лихорадка 19 апреля 1824 года оборвала жизнь поэта. Умирая, он думал о Греции: «Я отдал ей свое время, средства, здоровье, мог ли я сделать больше? Теперь отдаю ей жизнь».

Борец за вольность и свободу, борец против захватнических войн, страстный обличитель правящих классов, ханжества и мракобесия его представителей, Д.Г. Байрон жил и умер не напрасно. И он знал это.

Зато я жил, и жил я не напрасно!
Хоть может быть, под бурей невзгод,
Борьбою сломлен, рано я угасну,
Но нечто есть во мне, что не умрёт,
Чего ни смерть, ни времени полёт,
Ни клевета врагов не уничтожит,
Что в эхе многократном оживёт
И поздним сожалением, быть может,
Само бездушие холодное встревожит.

«Паломничество Чайльд-Гарольда»

[1: т. 2, с. 276]

Байрон был властителем дум своего времени. О нем много говорили и писали. Восхищались его талантом, его мужеством.

Великий русский критик В.Г. Белинский так охарактеризовал жизнь и творчество Байрона: «Пошляки говорят, он был несчастен в жизни, и оттого меланхолия составляет отличительный характер его произведений». Коротко и ясно! Этак легко объяснить и мрачный характер поэзии Байрона: критика будет и недолга и удовлетворительна. Но что Байрон был несчастен в жизни — это уже старая новость: вопрос в том, отчего этот одаренный дивными силами дух был обречен несчастью? Эмпирические критики и тут не задумываются: раздражительный характер, ипохондрия, — скажут одни из них, — и расстройство пищеварения, прибавят, пожалуй, другие, добродушно не догадываясь в низменной простоте своих гастрических воззрений, что подобные малые причины не могут иметь своим результатом такие великие явления, как поэзия Байрона» [3: с. 484, 485].

И далее: «Ни один поэт не может быть велик от самого себя и через самого себя, ни через свои собственные страдания, ни через свое собственное блаженство: всякий великий поэт потому велик, что корни его страдания и блаженства глубоко вросли в почву общественности и истории, что он, следовательно, есть орган и представитель общества, времени, человечества... Чтоб разгадать загадку мрачной поэзии такого необъятно колоссального поэта, как Байрон, должно сперва разгадать тайну эпохи, им выраженной...» [3].

Творчество Байрона, полагает Белинский, отражает острейшие социальные противоречия Англии. Ибо нигде в большей степени, нежели в Англии, «человек... ничего не значит сам по себе, но получает большее или меньшее значение от того, что он имеет или чем он владеет...».

Очень точно вскрыл суть творчества Байрона и так называемого байронизма Ф.М. Достоевский. В «Дневнике писателя» (1877 г.) он писал, что байронизм хоть и был моментальным, но великим, святым и необходимым явлением в жизни европейского человечества, да чуть ли не в жизни и всего человечества. Байронизм появился в минуту страшной тоски людей, разочарования их и почти отчаяния. После исступленных восторгов новой веры в новые идеалы, провозглашенной... во Франции, наступил исход, столь не похожий на то, чего ожидали. Всё задышалось под страшно понизившимся и сузившимся над человечеством прежним его горизонтом. И вот в эту-то минуту и явился великий и могучий гений, страстный поэт. В его звуках звучала тогдашняя тоска человечества и мрачное разочарование его в своем назначении и в обманувших его идеалах. Это была новая и неслыханная еще тогда муза мести и печали, проклятия и отчаяния. Дух байронизма вдруг пронесся как бы по всему человечеству, все оно откликнулось ему, среди всеобщих и глухих стонов, большей частью бессознательных, это именно был тот могучий крик, в котором соединились и согласились все крики и стоны человечества [4].

Откликнулась и Россия. Откликнулся Пушкин. В «Цыганах», «Кавказском пленнике», «Бахчисарайском фонтане», «Евгении Онегине» вполне очевидно влияние Байрона на русского поэта, хотя, разумеется, Пушкин всегда шел своей дорогой.

В произведениях Лермонтова также есть много точек соприкосновения с Байроном, Лермонтов энергично восклицал: «Нет, я не Байрон, я другой, / Еще неведомый избранник. / Как он, гонимый миром странник, / Но только с русскою душой». Влияние Байрона, байронизм можно обнаружить также в характерах героев И.С. Тургенева, Н.А. Некрасова, С.Я. Надсона и др.

Джордж Гордон Байрон — великий талант, обладавший огромной творческой мощью, героическая личность, восставшая против деспотизма и ханжества, трусости и рабской покорности. Бунтарь, противник реакционеров всех мастей, горячий, страстный поборник свободы как отдельного человека, так и всех угнетаемых народов, Байрон всегда следовал своим убеждениям и в поэзии, и в жизни. Он сражался за них, он погиб за них.

Литература

1. *Байрон Д.Г.* Собр. соч.: в 4-х т. М.: Правда, 1991.
2. *Байрон Д.Г.* Дневники. Письма. М.: Изд. АН СССР, 1963.
3. *Белинский В.Г.* Собр. соч.: в 3 т. Т. 2. М.: ОГИЗ, 1948.
4. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. 1877 год // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 14. СПб.: Наука, 1995.

Literatura

1. *Bajron D.G.* Sobr. soch.: v 4-x t. M.: Pravda, 1991.
2. *Bajron D.G.* Dnevnik. Pis'ma. M.: Izd. AN SSSR, 1963.
3. *Belinskij V.G.* Sobr. soch.: v 3 t. T. 2. M.: OGIZ, 1948.
4. *Dostoevskij F.M.* Dnevnik pisatelya. 1877 god // Dostoevskij F.M. Sobr. soch.: v 15 t. T. 14. SPb.: Nauka, 1995.

B.N. Bessonov

George Gordon Byron: "I'm not on the Way with the Tyrants..."

D.G. Byron (1788-1824) — the great English poet, a representative of romanticism in the poetic art. Byron calls on nations to rise up against the tyrants who oppress, suppress them, plunge them into senseless wars, force them to "shed their blood, give the greasy fat to fields and a flock of ravens". The article is devoted to the formation of the outlook of the English poet.

Keywords: revolutionary romanticism; call for freedom; liberation struggle of Greece; The French Revolution.